

ДЕСЯТИЛЕТИЕ ДЕТСТВА В РОССИИ

Галина СЕРГЕЕВА¹

ДО ТРАГИЧНОГО НЕЛЕПО.

Денис Хусниязов в поисках «Иváнова»

Денис Хусниязов, лауреат престижных театральных премий и автор успешных постановок на разных сценах петербургских театров, представил свою первую работу в Санкт-Петербургском Театре юных зрителей. Пьесу Антона Чехова «Иváнов» режиссёр услышал и прочёл по-своему: местами как комедию, порой – как пронзительную драму.

Денис Хусниязов

Чеховское ружьё в спектакле звучит дважды, обозначая завязку и, разумеется, финал. И оно не висит на стене, а дожидается своего часа под крышкой рояля. Этот музыкальный инструмент – будто ещё один, неодошевлённый персонаж, так часто его

обыгрывают в сценах спектакля. Около рояля душевно выпивают, вокруг него ярко «зажигают» на вечеринке, забравшись на него, в шутку кидаются горшками с суккулентами. Героям рядом с ним весело. Иногда как-то надрывно весело. Но, ставя «Иváнова» как комедию, режиссёр Хусниязов признаётся, что иначе-то и не получалось.

«Когда ты пытаешься решать эту пьесу Чехова через психологический театр, стараешься прожить и внутренне оправдать действия персонажей, это не работает. Всё просто рассыпается. Актёр пробует произносить реплики, а получается фальшивь, потому что так не разговаривает живой человек».

«Иváнов» – одна из первых пьес Чехова. По мнению Дениса Хусниязова автор подсознательно, а может и осознанно, наделяет персонажей не живыми чувствами, а клишированными идеями и целями, жонглирует яркими типажными, как бы подчёркнутая абсурд происходящего.

«Кто такая, например, Саша? Абсолютный архетип молодой

1. **Сергеева Галина Алексеевна** родилась в пос. Красная звезда Всеволожского района Ленинградской области. Журналист-публицист. Главный редактор журнала «Загородный дом». Живёт в Санкт-Петербурге.

девочки, идея которой – самопожертвование ради придуманной любви. Кто такая Сара? Совесть Ив́анова, умирающая жена, дни которой сочтены, а прошлое пусто и бессмысленно. Кто такой Шабельский? Поистрепавшийся приживала, граф, доживающий свои закатные, унижительные годы. Кто такой Лебедев? Хлопотун-отец, всё понимающий, но спившийся окончательно. Боркин? Шут и лицедей, разбазаривающий имение Ив́анова. Наконец, кто такой Ив́анов? Запутавшийся “Гамлет”, который не знает, как ему жить дальше.

Ив́анова, кстати, в спектакле играет однофамилец главного героя Александр Иванов. Играет обычного для своего времени человека – дворянина со своим поместьем, когда-то прилично зарабатывавшего, но теперь поистратившегося. Как мы знаем из реплик разных персонажей и его собственных, Ив́анов пользовался успехом у женщин, был душой компании, умел рассказать анекдот, пил наливку, валяясь на сене с молодой женой. «Природа этого человека проста и обыденна. Он не собирался становиться героем трагедии. А Чехов этого самого важного и дорогого на свете человека начинает испытывать. Подкидывает ему события разной степени потрясаемости и смотрит, что персонаж будет делать-то. И Ив́анов, помещённый в совсем чуждые для него обстоятельства, действительно не понимает, как ему в этом жить. Все его монологи этим пропитаны: не понимаю себя, не понимаю людей, не понимаю, что происходит вокруг».

Запутался в отношениях, заблудился в трёх соснах не он один. Все персонажи, кроме того что они, по меткому выражению Хусниярова, «яркие, гротесковые, несколько даже цирковые типы», не просто заплутались в отношениях к себе, близким и обществу, но мечутся в поисках смыслов по сцене, говорят и не слышат ни друг друга, ни даже, кажется, себя. Один выпивоха – Лебедев (артист Алексей Титков)

*Иванов Александр
артист ТЮЗа*

Алексей Титков, Анна Слынько, Борис Ивушин

вдруг совершенно трезво и отчётливо произносит: «На этом свете всё просто. Потолок белый, сапоги чёрные, сахар сладкий... Коли любишь – оставайся, не любишь – уходи, в претензии не будем».

Но остальные персонажи думают и чувствуют иначе. Сплетничают, раскаиваются, придумывают себе любовь и вообще производят много шума, стремясь заполнить пустое существование болтовнёй за карточной игрой. Время от времени лирическая режиссёрская нотка вплетается в эту какофонию, и становится так горько за этих заблудших. Как трогательно выглядит стройная фигурка Саши (актриса Анна Слынько), поднявшей, снявши супермодные туфли, на пару ступенек ведущей куда-то вверх лестницы. И как пронзительно жалко смотрится забравшийся в узкую щель и тоже босой граф (артист Борис Ивушин). Супермодные туфли типа лабутенов, что так беспечно сняла Саша, в сочетании с одеждой XIX века и обстановкой 1960-х годов должны намекнуть зрителю на всевременные проблемы человека. Человека простого и чувствующего. Человека ищущего и не находящего. Человека, изо всех сил пытающегося понять, зачем он пришёл в этот мир.

«Если вдуматься, – размышляет Хуснияров, – в основе комедии всегда лежит трагедия. Мы же всегда смеёмся, когда другой упал и больно ударился. Так и Ив́анов. Три года счастливо прожил с женой, а последние два года она медленно угасает. Он из обычного человека превращается в главное действующее лицо острой трагедии. Но он же не перестал быть заурядным простаком. Всё это выглядит смешно и грустно. В этом и есть абсурд и одновременно высокая трагедия Чеховской пьесы».

Особенно трагично звучит последний режиссёрский штрих. То самое ружьё, что в начале спектакля выстреливает как бы в шутку, в финальной сцене выполняет своё настоящее смертельное предназначение. Застыли в немой сцене персонажи, и лишь профиль Иванова остаётся как будто на сетчатке глаза, подсвеченный театральным прожектором при общем затемнении. Выстрел поражает своей неожиданностью. Звук врывается в открытую душу зрителя, надолго застревая там. До следующей встречи с удивительным режиссёром.

P.S. Превращать грустное в смешное и обратно режиссёру помогает группа творцов, с которой он работает из спектакля в спектакль. Чеховские герои предстают более выпуклыми, а сама инсценировка становится полифоничной, благодаря художникам – постановщикам Александру Мохову, Марии Луке; художнику по свету Игорю Фомину, видеохудожнику Наталье Наумовой и композитору Виталию Истомину.

Санкт-Петербург